

Елена Пестерева

ЛЕГКОМЫСЛИЕ — МИЛЫЙ ГРЕХ

Уныние — пагубная и цепкая страсть, и я все еще не хочу ей предаваться. Так что этому обзору, за редким исключением, достались книжки жизнеутверждающие и даже развлекательные, и, за редким исключением, с явными и до разной степени беллетризованными автобиографическими мотивами.

Появился и прошел незамеченным сборник **Жан-Мари Гюстава Леклезлио «Женщина ниоткуда»**¹. Так вышло, что в России Леклезлио переводили, публиковали и читали, но сразу забывали. Между тем, он французский классик, автор без малого сорока книг, почти все изданы «Галлимаром», включая дебютный «Протокол» (1963). Первый раз в 1980 году в «Иностранной литературе» появилась повесть «Мондо», и время от времени в приличных отечественных издательствах выходили переводы его романов, рассказов и эссе, биография Диего Риверы и Фриды Кало и даже повесть для юношества «Небесные жители». О нем коротко, но все же писали некоторые наши критики, например, Николай Александров, Лиза Новикова и Лев Данилкин. Нобелевская премия освежила читательский интерес к нему, но тоже ненадолго. Читатель читал, хвалил и забывал. Статья в Википедии, например, сделана автопереводчиком, и уже несколько лет не нашлось желающих ее отредактировать — для рунета это показательно.

Может быть, Леклезлио слишком экзотичен. Его детство прошло на Маврикии и в Нигерии, потом он жил в Таиланде и Мексике. Его героинями становились арабские девочки («Пустыня», 1980, «Золотая рыбка», 1997) и аборигены панамских островов («Праздник заклятий», 2009), Нигер настойчиво тек через роман «Онича» (1991), а Алексис Летан искал клад на Маврикии («Золотоискатель», 1985).

«Женщина ниоткуда» — это две повести о матерях, дочках и мучительном взрослении: вышеназванная и «Буря». Магистральная идея в них та же, что во всем творчестве Леклезлио (не считая написанного в духе Камю «Протокола»): европейская цивилизация — зло, а традиционные общества и единение с природой — добро.

Шестнадцатилетняя Джун, дочка ныряльщицы из «Бури», знакомится с молчаливым европейцем средних лет, бывшим военным журналистом (Леклезлио в нем без труда узнается). Ей не нравится домашняя жизнь, не нравится мамин любовник, не нравится мамино отсутствие и перспектива тяжелого труда ныряльщицы — и очень нравится новый

---

¹ Жан-Мари Гюстав Леклезлио. Женщина ниоткуда. Перевод с французского Ирины Волевич, Ирины Дмоховской. СПб.: Азбука, 2016, 256 с.

знакомый. Неудачная юношеская влюбленность и крушение всех связанных с ней надежд разочаровывают Джун так сильно, что она заплывает все глубже и глубже в море, пока дельфин, и мама, и другие ныряльщицы ее не вылавливают. Финал формально счастливый: иностранец едет домой, помолодевший, освободившийся от жутких воспоминаний и грехов юности, отчим куда-то девается, мама остается рядом. Но антитеза надломившегося отроческого доверия и моря как единственной точки опоры для Леклезлио, похоже, важна.

История Рашель из «Женщины ниоткуда» еще драматичнее и запутаннее. Сиротство и детское одиночество, нежная Африка, бурный пубертат, мрачные парижские предместья и позже — безумие, озлобленность и нищета. К тридцати трем годам Рашель болтается по Парижу, не понимая, куда себя деть и как так вышло, что даже младшая сестра с ней не общается. И вот тут Рашель знакомится со своей матерью. На короткое время жизнь обретает цель: эту самую мать, оставившую ее в монастырском приюте для новорожденных в Кот-д’Ивуаре, необходимо застрелить. Но в итоге Леклезлио возвращает героиню в милую Африку, в этот монастырь, где нянечка-акушерка дарит ей фотографию с рядами люлек и обнимает на прощание.

В обе повести Леклезлио вставляет по две сцены изнасилования, чудовищные и вполне бессмысленные. «Буря» так и вовсе оставляет ощущение, что написана ради бесконечных деталей жизни женщин-ныряльщиц на островах Японского моря: что надевали, как ходили, как дышали, как плыли, когда начинали работу, когда заканчивали, как выглядели. Не то, чтобы доцивилизационные общества преподносились как образец или жизнь в них казалась проще и лучше (она тоже тяжелая и полная дурной суеты). Но переезд в Европу совпал для самого Леклезлио с концом отрочества и субъективным взрослением. И, похоже, совокупность солнца, воды, жары и ручного труда он ощущает детством человечества, а возвращение в него — хотя бы временное — полагает терапевтичным.

Еще пара судеб двух отроковиц среди диких нравов — в **«Неаполитанских романах»² Элены Ферранте**. Всего в саге четыре части, по-русски сейчас есть первая, вторая выйдет в конце февраля (и я очень жду ее, хотя за последние лет пять я ждала всего два романа — «Щегла» Тартт и «Светила» Каттон). Ферранте — псевдоним, но чей — не известно. Она (он, они) не участвует в презентациях, дает редкие и краткие письменные интервью и запрещает номинации на премии. Исключение сделано только для «Неаполитанских романов» (2011). В результате они быстро покорили мир: были переведены на тридцать языков и каждая часть получила по паре профессиональных наград.

Итак, Неаполь, 50-е, нищета, мерзость, контрабанда и *cosa nostra*, визжащие женщины и молчаливые мужчины, вечная месть коллаборационистам, жажда денег и война уязвленных самолюбий. Никому и в голову не приходит отправить ребенка в школу или сходить к морю. В мире злых и глупых Елена Греко и Рафаэлла Черулло выбирают друг

---

² Элена Ферранте. Неаполитанские романы. Моя гениальная подруга. Перевод с итальянского Ольги Ткаченко. М.: Синдбад, 2016, 352 с.

друга — умных, даже если и злых. Если мы допустим, что Ферранте все же женщина, то легко узнаем ее в Элене Греко. Аннотация обещает историю женской дружбы, но это не она.

Это история выживания, любви, соперничества, зависти, нежности, регулярного предательства и регулярного раскаяния. Элена и Рафаэлла не хотят жить, как все те люди, «которые были до нас». Поэтому делают то, что не принято в их квартале: учатся, и не важно — выделке кожи или древнегреческому языку. Как две лягушки, ничего не знавшие о масле, просто бившие лапками.

В общем, если вам нужен хороший мотиватор, чтобы свернуть какие-нибудь горы, или вы устали от бесконечного занудства писательских авторефлексий, то Ферранте вам понравится. Когда очевидно, что все очень плохо, Ферранте рассказывает, как все поправить — динамично, хорошим языком, с тяжелым жестким чувством юмора, с неожиданными лирическими пассажами. Надеюсь, ее экранизируют.

Рефлексия событий XX века на примере одной семьи — главный тренд российской крупной прозы последних десяти лет. «Авиатор»³ **Евгения Водолазкина**, думается, тему обобщает и закрывает — насколько это вообще под силу прозе фикциональной.

Фабула опереточная и вторичная. Интеллигентного молодого человека Иннокентия Платонова, родившегося в 1900 году, в порядке эксперимента заморозили азотом в 1932-м и разморозили в 1999-м. Все думали, что он — глубоко порядочный и несчастный человек, а это оказалось, как минимум, спорным. Такое мы читали в диапазоне от Достоевского до Маяковского, а может, у Уэллса. Вот из этой фабулы Водолазкин сделал отличный роман. В качестве бонуса к переосмыслению истории отечества и детективу мы получили книжку о вечной любви и избирательной памяти, о мужестве и утрате человеческого облика, о муке одиночества и покаянии как единственном выходе из него. А при желании — о трансперсональном переносе в отношениях психотерапевта и пациента и о детской травме, что обязательно находит способ явить себя миру.

Размороженный, Платонов под нежным наблюдением психотерапевта Гейгера записывает все, что помнит. Чем дольше он пишет, тем чаще рассуждает о личной ответственности каждого не только за свою жизнь, но и за события в стране. Чем глубже погружается в прошлое, тем чаще говорит о заведомой и неременной вине всех страдающих (Гейгер видит тут синдром жертвы, но и психотерапевты, бывает, ошибаются). Чем кошмарнее сцены из лагерной соловецкой жизни приходят ему на ум, тем меньше он радуется своей уголовно-правовой реабилитации. Вторую половину романа они пишут оба («Я пишу, а кто пишет, тот, психологи знают, в полной психической норме»), друг о друге и о мире, и создавая, и фиксируя друг друга в вечности. Ближе к развязке Платонов настойчиво проводит мысль: все, даже непостижимое в своей жестокости и с виду бессмысленное, что происходит помимо нашей воли, — это справедливость, а то, что мы именем справедливости вершим сами — просто месть. Вывод заставляет Гейгера впервые

---

³ Евгений Водолазкин. Авиатор. М.: Редакция Елены Шубиной, 2016, 408 с.

усомниться в адекватности своего подопечного, но Водолазкин настаивает — неожиданный финал, выворачивающий роман наизнанку, написан в доказательство этой формулы.

К вопросу о справедливости. Есть искушение сравнить роман с фандоринским циклом, или с детективами о сыщике Путилине, или — «соловецкие» его части — с «Обителью» Прилепина, но искушение слабое. «Авиатор» написан лучше: стилизованные словарь и синтаксис звучат так естественно, что пока Водолазкин не покажет буквально пальцем слова «автомобиль» и «пульверизатор» вместо «машина» и «спрей», читатель не заметит. А между тем, единственная премия, доставшаяся роману — вторая премия «Большой книги». И больше ничего. И читательское голосование, что совсем уж удивительно, отправило его на третье место после «Лестницы Якова» Улицкой и «Автохтонов» Галиной. Каждый раз, когда я заговариваю об этом, меня спрашивают: «Ты читала “Лавр”?» — имея в виду, вероятно, что «Лавр» куда как лучше. Ну, так и что же? «Лестница Якова» тоже не вершина творчества Улицкой... Словом, премиальная судьба романа справедливой мне не кажется.

Тему размороженного Платонова я продолжу несколькими книгами о невероятных приключениях плоти. Развлекательная книжка **Давида Фонкиноса «Мне лучше»**⁴ о том, что нытье утомительно, а общение с занудами токсично. Сорокалетнего ипохондрика, отца семейства и бухгалтера, скрутил радикулит, и, таскаясь по врачам, он успел придумать, что умирает от раковой опухоли в позвоночнике. И до того эта мысль его расстроила, что в перерывах между рентгеном и МРТ он пересмотрел свою судьбу. В результате скорее ожил, чем умер: оставил детей в покое, сказал родителям все, что давно держал в себе (о, вовсе не слова любви), избил босса и развелся. Разумеется, ему стало лучше. Психосоматический рак рассосался, и чудесное исцеление не заставило себя ждать.

Фонкинос такой в общем-то весь — сентиментальный, остроумный, с мелькающими вечными истинами на дне и, в результате, очень популярный. Почти как Анна Гавальда. Выбирая между легкомысленной литературой и мрачно-серьезной, отдайте предпочтение первой: легкомыслие — милый грех, а угнетение и подавление чревато болезнями.

Издательство Ивана Лимбаха выпустило маленький роман в жанре черного-черного юмора. Это выдуманная биография «**В прах»**⁵ **Жан-Луи Байи**. Байи — патафизик. Объяснять, что такое патафизика, трудно и неуместно, я только скажу, что к Колледжу патафизики с 1948 года так или иначе относили себя мои любимцы: Бодрийяр, Виан, Ионеско, позже — Эко и, да, Дюшан и Миро. «В прах» — единственный текст Байи, доступный по-русски, что очень жаль: если бы его переводили, я бы его читала.

---

⁴ Давид Фонкинос. Мне лучше. Перевод с французского Натальи Мавлевич, Марии Лепко. М.: Corpus, 2016, 480 с.

⁵ Жан-Луи Байи. В прах. Перевод с французского Валерия Кислова. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2016, 184 с.

Сюжет: Поль-Эмиль Луэ пианист, и он гениален. Еще он огромен ростом, уродлив, аутичен, неискушен в житейских вопросах, и любимая жена изменяет ему с его биографом (может быть, с самим Байи). Поль-Эмиль погружается в депрессию и уходит от мира. Кроме того, он уже умер. Роман начинается первыми часами после смерти героя, далее главы чередуются, и мы наблюдаем жизнь человека и его тело после жизни одновременно. Поль-Эмиль играет на фортепиано у соседей, у учителя, у другого учителя, в мировых концертных залах, на студиях звукозаписи — описания избыточные, многостраничные, и колеблешься, пролистать или найти и послушать эти концерты. Поля-Эмиля съедают бактерии, мухи, чешуекрылые, хитиновые. Брожение в его глазных яблоках и кишках, мушиные яйца в мягких тканях — но тут уж не колеблешься, вчитываешься и просишь гугл показать, как выглядят мушки *Sarcophagidae*. Поль-Эмиль разлагается еще восхитительнее, чем играет. Смерти нет.

Поль-Эмиль отчетливо напоминает Лужина, но в интервью Colta Байи уверяет, что у него и в мыслях не было Набокова⁶. При желании роман можно читать как книгу о гармонии и уродстве, любви и предательстве, служении людям и служении искусству. Но в действительности крайне физиологичный текст, радость натуралиста — шутка гения: «Эти пассажи были написаны с ликованием, я испытал нечто вроде освободительной радости, рассказывая об этой почти табуированной теме легким, даже шутливым тоном». Байи патетичен и издевательски-насмешлив. Поль-Эмиль — пианист до мозга костей. На этот самый мозг читателю и предлагается взглянуть.

Две книги, которые могли бы быть автобиографическими, но получились художественными — о родительских семьях. «**Берега**»⁷ — история рода **Дафны Дюморье**, созданная ею в жанре саги в 1936 году, переведена впервые. Род прослеживается от 1810 года и прапрабабки, великосветской шлюхи, до Джоржа Дюморье, художника, романиста и деда писательницы. Это британский роман, полный юмора, изящества и характерного для Дюморье саспенса. То, что ее герои — реальные люди, добавляет тексту приятную пикантность. Дюморье иронична, но все же полна любви и сочувствия к выбору и решениям предков.

«**Предрасветная лихорадка**»⁸ венгерского режиссера и сценариста **Петера Гардоша** о знакомстве его родителей — восхищенный, благодарный и абсолютно серьезный роман. Венгерский еврей Миклош Гардош, освобожденный из концлагеря, прибыл на реабилитацию в послевоенную Швецию двадцатипятилетним юношей. Когда оказалось, что жить ему остается полгода, он решил жениться — на венгерке, еврейке, землячке, которой меньше тридцати. И написал ста семнадцати женщинам, прибывшим в Швецию другими кораблями Красного креста: «Дорогая Нора, дорогая Эржебет, дорогая Лили, дорогая Жужа,

---

⁶ Андрей Самохоткин. Интервью с Жаном-Луи Байи. Colta. 16 августа 2016.

⁷ Дафна Дюморье. Берега. Роман о семействе Дюморье. Перевод с английского Александры Глебовской. СПб.: Азбука, 2016, 351 с.

⁸ Петер Гардош. Предрасветная лихорадка. Перевод с венгерского Вячеслава Середы. М.: Corpus, 2016, 256 с.

дорогая Шара, дорогая Серена, дорогая Агнеш, дорогая Гиза, дорогая Каталин, дорогая Юдит, дорогая Габриэлла...» Это перечисление имен очень трогательно. Надо быть в полном отчаянии и при этом не поддаваться этому отчаянию, чтобы написать сто семнадцать писем каким-то незнакомым девушкам и предложить им побыть твоей женой несколько месяцев. Ему ответила 18-летняя Лили. Миклош Гардош искал способ наполнить остаток дней смыслом, а нашел большую любовь, побеждающую смерть. Петер Гардош многократно повторяет, что, читая переписку родителей, с особенной силой ощущал свое рождение и жизнь чудесным даром.

Французский писатель и драматург **Эрик-Эманнуэль Шмитт** впервые предложил читателям текст от первого лица — на еще более личную, даже сокровенную тему. **«Ночь огня»**⁹ — травелог о пешем походе из Таманрассета по алжирской Сахаре и юношеском духовном пробуждении Шмитта. Нас ждут невероятные вулканические пейзажи, воспевание мудрости туарегов и радостей дауншифтинга, афористичные реплики о (не)существовании Бога и детальное описание пережитого мистического опыта. В 1992 году Шмитт написал пьесу «Посетитель» (это его вторая и пользующаяся заслуженной популярностью драма). В ней к доктору Фрейду, уже больному и почти умирающему, но еще ведущему прием в нацистской Вене, приходит Бог. Шмитт никогда не говорил, что то же самое случилось с ним самим посреди Сахары.

На ту же тему — **«Искусство покоя»**¹⁰ эссеиста и путешественника **Пико Айера**. Я скажу пару слов о нем самом, это колоритная фигура (Utne Reader называет его в числе «100 провидцев, способных изменить жизнь людей»). Айер — индус, родившийся в Англии, выпускник Итона и Оксфорда, автор ряда журналов мировой известности, в России он пишет для «Русского журнала». В семнадцать лет он мечтал «провести весну, лето, осень и зиму восемнадцатого года жизни на четырех разных континентах» — и провел. Годы перемещений собственного тела по миру привели его к мысли: «Нельзя преодолеть тьму внутри себя, просто убежав от нее». Теперь Айер выбрал крошечную квартиру в крошечном городе в Японии, откуда рассказывает миру о путешествиях духа: «Сокровенная благодать *не-делания* состоит в том, что покой может широко раскрыть ваши глаза, окрылить вас и заставить ваше сердце биться сильнее — точь-в-точь, как это делает с нами влюбленность». Исповедь переходит в проповедь, а разговоры с духовными учителями — в описания маршрутов и практик, довольно, надо сказать, популярных: путешествовал по Индии и остался на ретрит, в Японии заехал к мастеру дзен и погостил у него денек, ехал от мамы вдоль океана по Америке и снял на пару недель комнату в монастыре бенедиктинцев. Поминутно отвлекаясь от темы, Айер может заговорить о пользе соблюдения субботы или о жизни Эмили Диккинсон.

---

⁹ Эрик-Эманнуэль Шмитт. Ночь огня. Перевод с французского Натальи Хотинской. СПб.: Азбука, 2016, 160 с.

¹⁰ Пико Айер. Искусство покоя. Захватывающие приключения в полной неподвижности. Перевод с английского Максима Леоновича. М.: Corpus, 2016, 112 с.

Айер сформулировал простой рецепт счастья: когда деньги, секс и рок-н-ролл (ну хорошо, путешествия и интеллектуальные усилия) окончательно надоедят, развлеки себя аскезой и подсчетом вдохов и выдохов. Уединение и медитация — «самый щедрый и эффективный ответ на пустоту моего собственного существования». Словом, ничего нового, но приятное умиротворяющее чтение.

В жанре такой же необязательной приятной беседы написано **«Счастье...»**¹¹ **Хаима Шапиры**. Шапира сочетает в себе доктора математики и позитивного психолога, но книжка его сводится к шуткам на условно-философские темы субъективности счастья, ужасов стоицизма и сложности самоидентификации. Автор обращается то к Винни Пуху, то к Витгенштейну, и интонации светлой печали за три строчки располагают к себе.

И, наконец, сказка, без которой обзор не в радость: **Салман Рушди «Два года восемь месяцев и двадцать восемь дней»**¹². Два года восемь месяцев и двадцать восемь ночей Шахразад рассказывала своему кровожадному мужу истории, отодвигая день своей смерти. Тот же срок, 1001 ночь, великий философ Ибн Рушд рассказывал своей любовнице джинии Дунье о философии Аристотеля и мире, в котором не нужен Бог. Они худо расстались, а через тысячелетия, в нашем с вами скором будущем разверзлась война между добром и злом и длилась те же самые почти три года. Дважды Букеровский лауреат Салман Рушди рассказывает о людях и джиннах, верхнем и нижнем мире, о любви и ревности длиной в тысячелетия, и том, могут ли вера и разум заменять друг друга. Он вплетает в сказку социальную сатиру, а в научную фантастику — нитки из ковра-самолета. Он утверждает, что истории превращают дикарей и варваров в цивилизованных людей. И конечно же, весь литературный мир верит, будто рассказывание историй делает рассказчика бессмертным.

---

¹¹ Хаим Шапира. Счастье и другие незначительные вещи абсолютной важности. Путешествие в край вечных вопросов. Перевод с иврита Виктора Голода. М.: Синдбад, 320 с.

¹² Салман Рушди. Два года, восемь месяцев и двадцать восемь дней. Перевод с английского Любови Сумм. М.: Corpus, 2016, 368 с.